

«Удивительные существа, фениксы». Дамблдор сказал: «Они могут нести очень тяжелое бремя, а их слезы способны исцелить почти любую смертельную рану. И это не говоря уже об их огромной преданности и невероятном уме». Он с нежностью погладил лысую голову новорожденного феникса, потянулся к пеплу и поднял маленькое существо, чтобы усадить его на вершину жердочки. Бросив последний ласковый взгляд на феникса, Дамблдор вернулся к своему столу, но не успел произнести и слова, как дверь в кабинет распахнулась, и в комнату ворвался Хагрид. — Это был Гарри, профессор Дамблдор! — спешно проговорил Хагрид. — Я говорил с ним за несколько секунд до того, как был найден этот ребенок, у него не было времени, сэр... Дамблдор попытался что-то сказать, но Хагрид продолжал разглагольствовать, размахивая петухом, зажатым в его огромной руке, в волнении отправляя перья повсюду. — Это не мог быть он, я поклянусь в этом перед Министерством Магии, если потребуется... — Хагрид, я... — Вы взяли не того мальчика, сэр, я знаю, что Гарри никогда... — Хагрид! — громко сказал Дамблдор. — Я не думаю, что Гарри напал на тех людей. — О! — сказал Хагрид, и петух безвольно упал на его бок. — Верно. Тогда я подожду снаружи, директор. И он вышел, выглядя смущенным. Гарри почувствовал прилив привязанности к Хагриду, наблюдая за тем, как крупный мужчина покидает комнату. Он всегда мог рассчитывать на то, что этот человек прикроет его, независимо от обстоятельств. Затем то, что сказал Дамблдор, наконец дошло до него. — Вы не думаете, что это был я, профессор? — с надеждой повторил Гарри, пока Дамблдор смахивал петушиные перья со своего стола. — Нет, Гарри, не думаю, — ответил Дамблдор, хотя его лицо вновь омрачилось. — Но я все же хочу поговорить с тобой. Гарри нервно ждал, пока Дамблдор внимательно рассматривал его, сцепив кончики длинных пальцев. — Я должен спросить тебя, Гарри, есть ли что-нибудь, что ты хотел бы мне рассказать, — мягко произнес он. — Что угодно. Гарри не знал, что сказать. Он думал о Малфое, крикнувшем: «Вы будете следующими, Грязнокровки!» и об Обратном зелье, кипящем в ванной комнате Moaning Myrtle. Затем он вспомнил бесплотный голос, который слышал дважды, и как Рон заметил: «Слышать голоса, которые никто не слышит, — не очень хороший знак, даже в мире волшебников». Он также думал о том, что все говорят о нем, и о своем растущем страхе, что он каким-то образом связан с Салазаром Слизерином. Наконец, он вспомнил профессора Джексона, его чудовищную собаку, которую тот держал в качестве питомца, и то, что все, что он узнал об этом человеке, оставило больше вопросов, чем ответов... — Нет, — сказал Гарри. — Ничего нет, профессор...

****Переход****

С приближением конца семестра ситуация для Гарри не улучшалась. Люди избегали его в коридорах, перешептываясь и показывая на него пальцем; другие прямо пытались заклясть или проклясть его. Фред и Джордж взяли на себя ответственность следить за Гарри по школе, исполняя роль его псевдотелохранителей. Для Гарри было важно, что они так заботились о его благополучии. Однако, когда близнецы не могли быть рядом, Гарри надевал плащ-невидимку, который всегда носил в сумке. Рон или Гермиона следили за ним и ждали, пока он наденет его, прежде чем проводить в класс. Вскоре наступил конец семестра, а вместе с ним — отъезд большей части студентов, так как большинство уехало к своим семьям на каникулы. Гарри, Гермиона, Рон и остальные Уизли остались в замке на время каникул. Им повезло, что не только Малфой решил остаться, но и его друзья Крэбб и Гойл. Это было как нельзя кстати, потому что для своего плана выведать у Малфоя информацию о Тайной комнате Гарри, Рон и Гермиона решили использовать Крэбба и Гойла. Утром Гермиона взволнованно прошептала Гарри и Рону, что зелье готово к использованию, и все, что им нужно было для его завершения, — это клочок волос Крэбба и Гойла. Они решили, что осуществят свой план после праздничного пира тем же вечером. Большой зал безусловно представлял собой зрелище, достойное внимания. Здесь не только стояла дюжина покрытых инеем рождественских елок, а потолок пересекали густые ленты остролиста и омелы, но и с потолка падал зачарованный снег, теплый и сухой. После того как Дамблдор провел их через хор праздничных мелодий, Гарри и остальные погрузились в сказочный пир, наслаждаясь тем, как оживленный профессор Джексон завершил довольно забавную историю. — ...И вот, мы приезжаем туда, и Кларисса пытается правильно справиться

с этой штукой, — смеется он, весело поднимая кубок. — И что же мы видим? Мы видим Гровера в свадебном платье с самым ужасным фальшивым глазом, приклеенным к его голове, который разговаривает с циклопом; я не шучу, и циклоп говорит: «Это не сатир, это моя жена!» Фред и Джордж завывали от смеха, а Рон размазывал по своему лицу тыквенный сок. Даже профессор Дамблдор сдерживал улыбку. — Профессор Джексон, — спросила Трейси Дэвис, она и её подруга Дафна, очевидно, тоже решили остаться на каникулы. Профессор Джексон вытер слезу с глаза и повернулся к маленькой девочке, улыбаясь. — Да, Трейси? Трейси неловко сдвинулась с места. — Эм, я просто хотела спросить, сэр, почему Вы решили остаться в Англии на каникулы? Разве Вы не хотели вернуться в Соединенные Штаты? Повидаться с семьей? Что-то промелькнуло на лице профессора Джексона, и на мгновение он выглядел так, словно кто-то только что сообщил ему о смерти его собаки. Но это выражение было кратковременным, и улыбка быстро вернулась. — Ах нет, — неловко ответил он, переместившись на свое место. — Нет, у меня действительно не осталось родственников в Соединенных Штатах. Мама... — На мгновение он поперхнулся, но тут же сглотнул. — Я потерял маму несколько лет назад. А папа погиб в море, когда я был еще ребенком. — О... — сказала Трейси, покраснев от смущения. — Мне очень жаль, профессор, я не хотела... Но профессор Джексон просто отмахнулся от её беспокойства. — Все в порядке, Трейси, — сказал он, хотя его улыбка уже не была естественной. — Вы никак не могли знать. У меня осталось несколько друзей в Штатах, но... — Он оглядел Большой зал, на его лице появилось меланхоличное и слегка прищуренное выражение. — Но Хогвартс теперь мой дом. Нужно оставить прошлое в прошлом и начать создавать... новые воспоминания. С этими словами он поднял свой кубок и начал произносить тост: — За Хогвартс и счастливые воспоминания! — произнес он, и несколько бокалов со звоном столкнулись, когда весь стол с энтузиазмом поддержал этот тост. Профессор Джексон одним глотком осушил остатки своего напитка, вытер подбородок и обменялся взглядом с Дамблдором. Оттолкнувшись от своего места, он встал и сказал: — Ну, не знаю, как вы, детишки, но мне уже давно пора спать. Подумал, что пойду отдохну. Всем счастливых праздников! И прежде чем кто-то успел сказать хоть слово, он бодрым шагом вышел из-за стола. Гарри наблюдал за его уходом и, вернувшись к еде, мельком заметил Дафну, утешающую Трейси, которая выглядела крайне виноватой, как будто вот-вот расплачется. Гарри обменялся взглядами с Роном и Гермионой — он рассказал им о разговоре, который произошёл в кабинете Дамблдора. Возможно, именно утрата матери и подтолкнула его к поступлению в Хогвартс. Когда пиршество подошло к концу, Гарри и Рон сбежали и спрятались в ближайшем шкафу с метлами. Их план состоял в том, чтобы набраться парочки пирожных и дожидаться, когда Крэбб и Гойл их съедят. К их невероятному удивлению, план сработал. Они с огромным трудом спрятали внушительное количество угощений, предназначенных для Крэбба и Гойла, в шкафу, в котором сами укрылись. Они также украли пару волос и обувь этих двух, прежде чем исчезнуть в ванной у Миртл.